

Часть первая СТАРЫЙ ПИРАТ

Глава 1

СТАРЫЙ МОРСКОЙ ВОЛК В ТРАКТИРЕ «АДМИРАЛ БЕНБОУ»

Сквайр¹ Трелони, доктор Ливси и другие джентльмены попросили меня написать всё, что я знаю об Острове Сокровищ. Им хочется, чтобы я рассказал всю историю, с самого начала до конца, не скрывая никаких подробностей, кроме географического положения острова. Указывать, где лежит этот остров, в настоящее время ещё невозможно, так как и теперь там хранятся сокровища, которые мы не вывезли. И вот в нынешнем, 17... году я берусь за перо и мысленно возвращаюсь к тому времени, когда

¹ Сквайр — дворянский титул в Англии.

у моего отца был трактир «Адмирал Бенбоу»¹ и в этом трактире поселился старый загорелый моряк с сабельным шрамом на щеке.

Я помню, словно это было вчера, как, тяжело ступая, он до-тащился до наших дверей, а его морской сундук везли за ним на тачке. Это был высокий, сильный, грузный мужчина с тёмным лицом. Просмолённая косичка торчала над воротом его засаленного синего кафтана. Руки у него были шершавые, в каких-то рубцах, ногти чёрные, поломанные, а сабельный шрам на щеке — грязно-вато-белого цвета, со свинцовым оттенком. Помню, как незнакомец, посвистывая, оглядел нашу бухту и вдруг загорланил старую матросскую песню, которую потом пел так часто:

*Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!*

Голос у него был стариковский, дребезжащий, визгливый, как скрипучая вымбовка².

И палка у него была, как ганшпуг³. Он стукнул этой палкой в нашу дверь и, когда мой отец вышел на порог, грубо потребовал стакан рому.

Ром был ему подан, и он с видом знатока принялся не спеша смаковать каждый глоток. Пил и поглядывал то на скалы, то на трактирную вывеску.

— Бухта удобная, — сказал он наконец. — Неплохое место для таверны. Много народу, приятель?

Отец ответил, что нет, к сожалению, очень немного.

— Ну что же! — сказал моряк. — Этот... как раз для меня... Эй, приятель! — крикнул он человеку, который катил за ним

¹ Джон Бенбоу — английский адмирал, живший в конце XVII века.

² Вымбóвка — рычаг шпиля (ворота, служащего для подъёма якоря).

³ Гáншпуг — рычаг для подъёма тяжестей.

тачку. — Подъезжай-ка сюда и помоги мне втащить сундук... Я поживу здесь немного, — продолжал он. — Человек я простой. Ром, свиная грудинка и яичница — вот и всё, что мне нужно. Да вон тот мыс, с которого видны корабли, проходящие по морю... Как меня называть? Ну что же, зовите меня капитаном... Эге, я вижу, чего вы хотите! Вот!

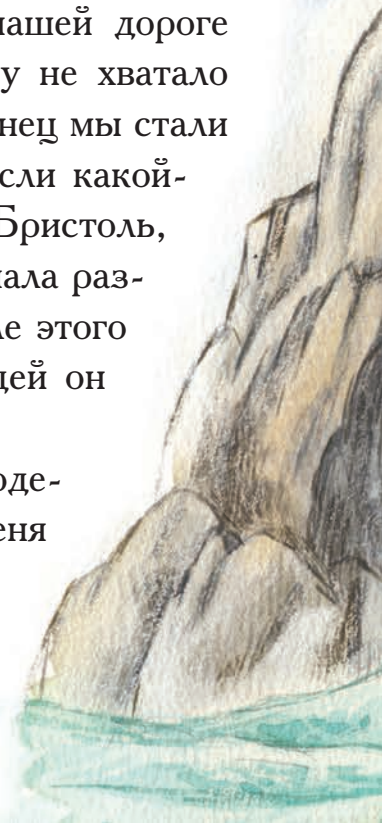
И он швырнул на порог три или четыре золотые монеты.

— Когда эти кончатся, можете прийти и сказать, — проговорил он сурово и взглянул на отца, как начальник.

И действительно, хотя одежда у него была плоховата, а речь отличалась грубостью, он не был похож на простого матроса. Скорее его можно было принять за штурмана или шкипера, который привык, чтобы ему подчинялись. Чувствовалось, что он любит давать волю своему кулаку. Человек с тачкой рассказал нам, что незнакомец прибыл вчера утром на почтовых в «Гостиницу короля Георга» и расспрашивал там обо всех постоянных дворах, расположенных поблизости моря. Услышав о нашем трактире, должно быть, хорошие отзывы и узнав, что он стоит на отлёте, капитан решил поселиться у нас. Вот и всё, что удалось нам узнать о своём постояльце.

Человек он был молчаливый. Целыми днями бродил по берегу бухты или взбирался на скалы с медной подзорной трубой. По вечерам он сидел в общей комнате в самом углу, у огня, и пил ром, слегка разбавляя его водой. Он не отвечал, если с ним заговаривали. Только окинет свирепым взглядом и засвистит носом, как корабельная сирена в тумане. Вскоре мы и наши посетители научились оставлять его в покое. Каждый день, вернувшись с прогулки, он справлялся, не проходили ли по нашей дороге какие-нибудь моряки. Сначала мы думали, что ему не хватало компании таких же забуддыг, как он сам. Но под конец мы стали понимать, что он желает быть подальше от них. Если какой-нибудь моряк, пробираясь по прибрежной дороге в Бристоль, останавливался в «Адмирале Бенбоу», капитан сначала разглядывал его из-за дверной занавески и только после этого выходил в гостиную. В присутствии подобных людей он всегда сидел тихо, как мышь.

Я-то знал, в чём тут дело, потому что капитан поделился со мной своей тревогой. Однажды он отвёл меня

в сторону и пообещал платить мне первого числа каждого месяца по четыре пенса серебром, если я буду «в оба глаза смотреть, не появится ли где моряк на одной ноге», и сообщу ему сразу же, как только увижу такого. Когда наступало первое число и я обращался к нему за обещанным жалованьем, он только трубил носом и свирепо глядел на меня. Но не проходило и недели, как, подумав, он приносил мне монетку и повторял приказание не пропустить «моряка на одной ноге».

Этот одноногий моряк преследовал меня даже во сне. Бурными ночами, когда ветер сотрясал все четыре угла нашего дома, а прибой ревел в бухте и в утёсах, он снился мне на тысячу ладов, в виде тысячи разных дьяволов. Нога была отрезана у него то по колено, то по самое бедро. Порою он казался мне каким-то страшным чудовищем, у которого одна-единственная нога растёт из самой середины тела. Он гонялся за мной на этой одной ноге, перепрыгивая через плетни

и канавы. Недёшево доставались мне мои четыре пенса каждый месяц: я расплачивался за них этими отвратительными снами.

Но как ни страшен был для меня одноногий моряк, самого капитана я боялся гораздо меньше, чем все остальные. В иные вечера он выпивал столько рому с водой, что голова у него шла ходуном, и тогда он долго оставался в трактире и распевал свои старинные, дикие, жестокие морские песни, не обращая внимания ни на кого из присутствующих. А случалось и так, что он приглашал всех к своему столу и требовал стаканы. Приглашённые дрожали от испуга, а он заставлял их либо слушать его рассказы о морских приключениях, либо подпевать ему хором. Стены нашего дома содрогались тогда от «Йо-хо-хо, и бутылка рому», так как все посетители, боясь его неистового гнева, старались перекричать один другого и петь как можно громче, лишь бы капитан остался ими доволен, потому что в такие часы он был необузданно грозен: то стучал кулаком по столу, требуя, чтобы все замолчали; то приходил в ярость, если кто-нибудь перебивал его речь, задавал ему какой-нибудь вопрос; то, наоборот, свирепел, если к нему обращались с вопросами, так как, по его мнению, это доказывало, что слушают его невнимательно. Он никого не выпускал из трактира — компания могла разойтись лишь тогда, когда им овладевала дремота от выпитого вина и он, шатаясь, ковылял к своей постели.

Но страшнее всего были его рассказы. Ужасные рассказы о виселицах, о хождении по доске¹, о штормах и о Драй Тортугас², о разбойничьих гнёздах и разбойничьих подвигах в Испанском море³.

¹ Хождение по доске — вид казни; осуждённого заставляли идти по неприбитой доске, один конец которой выдавался в море.

² Драй Тортугас — острова около Флориды.

³ Испанское море — старое название юго-восточной части Карибского моря.

Судя по его рассказам, он провёл всю свою жизнь среди самых отъявленных злодеев, какие только бывали на море. А брань, которая вылетала из его рта после каждого слова, пугала наших простодушных деревенских людей не меньше, чем преступления, о которых он говорил.

Отец постоянно твердил, что нам придётся закрыть наш трактир: капитан отвадит от нас всех посетителей. Кому охота подвергаться таким издевательствам и дрожать от ужаса по дороге домой! Однако я думаю, что капитан, напротив, приносил нам скорее выгоду. Правда, посетители боялись его, но через день их снова тянуло к нему. В тихую, захолустную жизнь он внёс какую-то приятную тревогу. Среди молодёжи нашлись даже поклонники капитана, заявлявшие, что они восхищаются им. «Настоящий морской волк, насквозь просолённый морем!» — восклицали они.

По их словам, именно такие люди, как наш капитан, сделали Англию грозой морей.

Но, с другой стороны, этот человек действительно приносил нам убытки. Неделя проходила за неделей, месяц за месяцем; деньги, которые он дал нам при своём появлении, давно уже были истрачены, а новых денег он не платил, и у отца не хватало духу потребовать их. Стоило отцу заикнуться о плате, как капитан с яростью принимался сопеть; это было даже не сопенье, а рычанье; он так смотрел на отца, что тот в ужасе вылетал из комнаты. Я видел, как после подобных попыток он в отчаянье ломал себе руки. Для меня нет сомнения, что эти страхи значительно ускорили горестную и преждевременную кончину отца.

За всё время своего пребывания у нас капитан ходил в одной и той же одежде, только приобрёл у разносчика несколько пар чулок. Один край его шляпы обвис; капитан так и оставил его, хотя при сильном ветре это было большим неудобством. Я хорошо помню, какой у него был драный кафтан; сколько он ни чинил

его наверху, в своей комнате, в конце концов кафтан превратился в лохмотья.

Никаких писем он никогда не писал и не получал ниоткуда. И никогда ни с кем не разговаривал, разве только если был очень пьян. И никто из нас никогда не видел, чтобы он открывал свой сундук.

Только один-единственный раз капитану посмели перечить, и то произошло это в самые последние дни, когда мой несчастный отец был при смерти.

Как-то вечером к больному пришёл доктор Ливси. Он осмотрел пациента, наскоро съел обед, которым угостила его моя мать, и спустился в общую комнату выкурить трубку, поджидая, когда приведут ему лошадь. Лошадь осталась в деревушке, так как в старом «Бенбоу» не было конюшни.

В общую комнату ввёл его я и помню, как этот изящный, щегольски одетый доктор в белоснежном парике, черноглазый, прекрасно воспитанный, поразил меня своим несходством с деревенскими увальнями, посещавшими наш трактир. Особенно резко отличался он от нашего вороньего пугала, грязного, мрачного, грузного пирата, который надрызгался рому и сидел, навалившись локтями на стол.

Вдруг капитан заревел свою вечную песню:

*Пятнадцать человек на сундук мертвеца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!
Пей, и дьявол тебя доведёт до конца.
Йо-хо-хо, и бутылка рому!*

Первое время я думал, что «сундук мертвеца» — это тот самый сундук, который стоит наверху, в комнате капитана.

В моих страшных снах этот сундук нередко возникал передо мною вместе с одноногим моряком. Но мало-помалу мы так привыкли к этой песне, что перестали обращать на неё внимание. В этот вечер она была новостью только для доктора Ливси и, как я заметил, не произвела на него приятного впечатления. Он сердито поглядел на капитана, перед тем как возобновить разговор со старым садовником Тейлором о новом способе лечения ревматизма. А между тем капитан, разгорячённый своим собственным пением, ударил кулаком по столу. Это означало, что он требует тишины.

Все голоса смолкли разом; один только доктор Ливси продолжал свою добродушную и громкую

речь, попыхивая трубочкой после каждого слова. Капитан пронзительно взглянул на него, потом снова ударил кулаком по столу, потом взглянул ещё более пронзительно и вдруг заорал, сопровождая свои слова непристойною бранью:

— Эй, там, на палубе, молчать!

— Вы ко мне обращаетесь, сэр? — спросил доктор.

Тот сказал, что именно к нему, и притом выругался снова.

— В таком случае, сэр, я скажу вам одно, — ответил доктор. — Если вы не перестанете пьянствовать, вы скоро избавите мир от одного из самых гнусных мерзавцев!

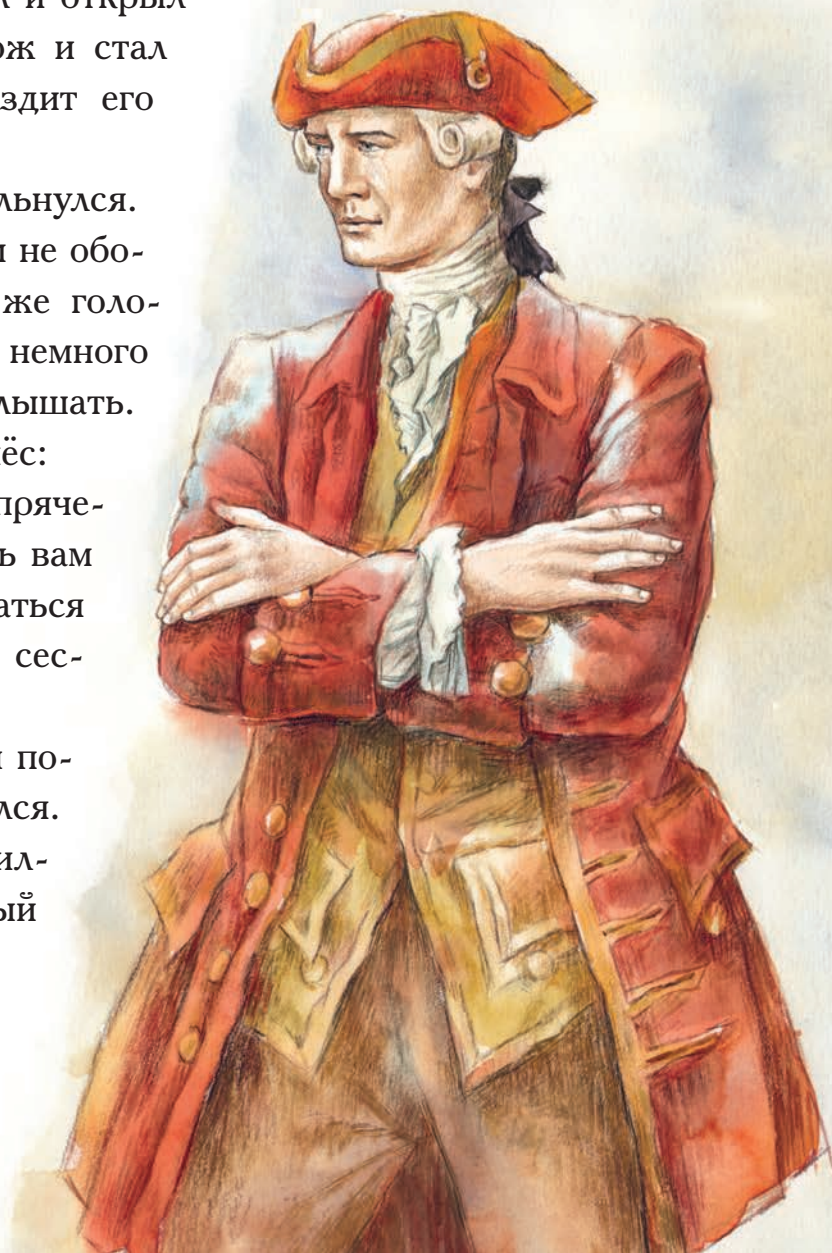
Капитан пришёл в неистовую ярость.

Он вскочил на ноги, вытащил и открыл свой матросский складной нож и стал грозить доктору, что пригвоздит его к стене.

Доктор даже не шевельнулся. Он продолжал говорить с ним не обращившись, через плечо, тем же голосом — может быть, только немного громче, чтобы все могли слышать. Спокойно и твёрдо он произнёс:

— Если вы сейчас же не спрячете этот нож в карман, клянусь вам честью, что вы будете болтаться на виселице после первой же сессии нашего разъездного суда.

Между их глазами начался поединок. Но капитан скоро сдался. Он спрятал свой нож и опустился на стул, ворча, как побитый пёс.

— А теперь, сэр, — продолжал доктор, — так как мне стало известно, что в моём округе находится подобная особа, я буду иметь над вами самый строгий надзор днём и ночью. Я не только доктор, я и судья. И если до меня дойдёт хоть одна самая малейшая жалоба — хотя бы только на то, что вы нагрубили кому-нибудь... вот как сейчас, — я приму решительные меры, чтобы вас забрали и выгнали отсюда. Больше я ничего не скажу.

Вскоре доктору Ливси подали лошадь, и он ускакал. Но капитан весь вечер был тих и смирен и оставался таким ещё много вечеров подряд.

Глава 2

ЧЁРНЫЙ ПЁС ПРИХОДИТ И УХОДИТ

Вскоре случилось первое из тех загадочных событий, благодаря которым мы избавились наконец от капитана. Но, избавившись от него самого, мы не избавились, как вы сами увидите, от его хлопотных дел.

Стояла холодная зима с долгими трескучими морозами и бурными ветрами. И с самого начала стало ясно, что мой бедный отец едва ли увидит весну. С каждым днём ему становилось хуже. Хозяйничать в трактире пришлось мне и моей матери. У нас было дела по горло, и мы уделяли очень мало внимания нашему неприятному постояльцу.

Было раннее январское морозное утро. Бухта поседела от инея. Мелкая рябь ласково лизала прибрежные камни. Солнце ещё не успело подняться и только тронуло своими лучами вершины холмов и морскую даль. Капитан проснулся раньше обыкновенного и направился к морю. Под широкими полами его истрёпанного синего кафтана колыхался кортик. Под мышкой у него была подзорная труба. Шляпу он сдвинул на затылок. Я помню, что изо рта у него вылетал пар и клубился в воздухе, как дым.

Я слышал, как злобно он фыркнул, скрываясь за большим утёсом, — вероятно, всё ещё не мог позабыть о своём столкновении с доктором Ливси.

Мать была наверху, у отца, а я накрывал стол для завтрака к приходу капитана. Вдруг дверь отворилась, и в комнату вошёл человек, которого прежде я никогда не видел.

Он был бледен, с землистым лицом. На левой руке у него не хватало двух пальцев. Ничего воинственного не было в нём, хотя у него на поясе висел кортик. Я всегда следил в оба за каждым моряком, будь он на одной ноге или на двух, и помню, что этот человек очень меня озадачил. На моряка он был мало похож, и всё же я почувствовал, что он моряк.

Я спросил, что ему угодно, и он потребовал рому. Я кинулся было из комнаты, чтобы исполнить его приказание, но он сел за стол и снова подозвал меня к себе. Я остановился с салфеткой в руке.

— Пойди-ка сюда, сынок, — сказал он. — Подойди поближе.

Я подошёл.

— Этот стол накрыт для моего товарища, штурмана Билли? — спросил он, ухмыляясь.

Я ответил, что не знаю никакого штурмана Билли и что стол накрыт для одного нашего постояльца, которого мы зовём капитаном.

— Ну что ж, — сказал он, — моего товарища, штурмана Билли, тоже можно называть капитаном. Это дела не меняет. У него шрам на щеке и очень приятное обхождение, особенно когда напьётся. Вот он каков, мой штурман Билли! У вашего капитана тоже шрам на щеке. И как раз на правой. Значит, всё в порядке, не правда ли? Итак, я хотел бы знать: обретается ли он здесь, в этом доме, мой товарищ Билли?

Я ответил, что капитан пошёл погулять.

— А куда, сынок? Куда он пошёл?

Я показал ему скалу, на которой ежедневно бывал капитан, и сказал, что он, верно, скоро вернётся.

— А когда?

И, задав мне ещё несколько разных вопросов, он проговорил под конец:

— Да, мой товарищ Билли обрадуется мне, как выпивке.

Однако лицо у него при этих словах было мрачное, и я имел все основания думать, что капитан будет не слишком-то рад встрече с ним. Но я тут же сказал себе, что это меня не касается. И, кроме того, трудно было предпринять что-нибудь при таких обстоятельствах. Незнакомец стоял у самой входной двери трактира и следил за углом дома, словно кот, подстерегающий мышшь. Я хотел было выйти во двор, но он тотчас же окликнул меня. Я не сразу ему повиновался, и его бледное лицо вдруг исказилось таким гневом, и он разразился такими ругательствами, что я в страхе отскочил назад. Но едва я вернулся, он стал разговаривать со мною по-прежнему, не то льстиво, не то насмешливо, потрепал меня по плечу, сказал мне, что я славный мальчишка и что он сразу меня полюбил.

— У меня есть сынок, — сказал он, — и ты похож на него как две капли воды. Он — гордость моего родительского сердца. Но для мальчиков главное — послушание.

Да, сынок, послушание. Вот если бы ты поплавал с Билли, тебя не пришлось бы окликать два раза. Билли никогда не повторял приказаний, да и другие, что с ним плавали... А вот и он, мой штурман Билли, с подзорной трубой под мышкой, благослови его бог! Давай-ка пойдём опять в зал, спрячемся за дверью, сынок, и устроим Билли сюрприз, обрадуем Билли, благослови его бог!

С этими словами он загнал меня в общую комнату, в угол, и спрятал у себя за спиной. Мы оба были заслонены открытой дверью. Мне было и неприятно, и чуть-чуть страшновато, как вы можете себе представить, особенно когда я заметил, что незнакомец и сам трусит. Он высвободил рукоятку своего кортика, чуть-чуть вытащил его из ножен и всё время делал такие движения, как будто глотает какой-то кусок, застрявший у него в горле.

Наконец в комнату ввалился капитан, хлопнул дверью и, не глядя по сторонам, направился прямо к столу, где его поджидал завтрак.

— Билли! — проговорил незнакомец, стараясь придать своему голосу твёрдость и смелость.

Капитан повернулся на каблуках и оказался прямо перед нами. Загар как бы сошёл с его лица, даже нос его сделался синим. У него был вид человека, который повстречался с привидением, или с дьяволом, или с чем-нибудь похуже, если такое бывает. И, признаюсь вам, мне стало жалко его — таким он сразу сделался старым и дряблым.

— Разве ты не узнаёшь меня, Билли? Неужели ты не узнаёшь своего старого корабельного товарища, Билли? — сказал незнакомец.

Капитан открыл рот, словно у него не хватило дыхания.

— Чёрный Пёс! — проговорил он наконец.

— Он самый, — ответил незнакомец, несколько приободрившись. — Чёрный Пёс пришёл проведать своего старого

корабельного друга, своего Билли, живущего в трактире «Адмирал Бенбоу». Ах, Билли, Билли! Сколько воды утекло с тех пор, как я лишился двух своих когтей! — воскликнул он, подняв искалеченную руку.

— Ладно, — сказал капитан. — Ты выследил меня, и я перед тобою. Говори же, зачем пришёл?

— Узнаю тебя, Билли, — ответил Чёрный Пёс. — Ты прав, Билли. Этот славный мальчуган, которого я так полюбил, принесёт

мне стаканчик рому. Мы посидим с тобой, если хочешь, и поговорим без обиняков, напрямик, как старые товарищи. Не правда ли?

Когда я вернулся с бутылкой, они уже сидели за столом капитана друг против друга.

Чёрный Пёс сидел боком, поближе к двери и одним глазом смотрел на своего старого друга, а другим — на дверь, путь к отступлению.

Он велел мне уйти и оставить дверь открытой настежь.

— Чтобы ты, сыночек, не подсматривал в замочную скважину, — пояснил он.

Я оставил их вдвоём и вернулся к стойке.

Долгое время, несмотря на все старания, я не слышал ничего, кроме невнятного говора. Но мало-помалу голоса становились всё громче, и наконец мне удалось уловить несколько слов, главным образом ругань, исходившую из уст капитана.

Раз капитан закричал:

— Нет, нет, нет, нет! И довольно об этом! Слышишь?

И потом снова:

— Если дело дойдёт до виселицы, так пусть на ней болтаются все!

Потом внезапно раздался страшный взрыв ругательств, стол и скамьи с грохотом опрокинулись на пол, звякнула сталь клинков, кто-то вскрикнул от боли, и через минуту я увидел Чёрного Пса, со всех ног бегущего к двери. Капитан гнался за ним. Их кортики были обнажены. У Чёрного Пса из левого плеча текла кровь. Возле самой двери капитан замахнулся кортиком и хотел нанести убегающему ещё один, самый страшный, удар и несомненно разрубил бы ему голову пополам, но кортик зацепился за большую вывеску нашего «Адмирала Бенбоу». На вывеске, внизу, на самой раме, до сих пор можно видеть след от него.

На этом битва кончилась.

Выскочив на дорогу, Чёрный Пёс, несмотря на свою рану, помчался с такой удивительной скоростью, что через полминуты исчез за холмом. Капитан стоял и смотрел на вывеску как помешанный. Затем несколько раз провёл рукой по глазам и вернулся в дом.

— Джим, — приказал он, — рому!

Он слегка пошатнулся при этих словах и опёрся рукой о стену.

— Вы ранены? — воскликнул я.

— Рому! — повторил он. — Мне нужно убираться отсюда. Рому! Рому!

Я побежал за ромом, но от волнения разбил стакан и запачкал грязью кран бочки. И пока я приводил всё в порядок и наливал другой стакан, вдруг я услышал, как в зале что-то грузно грохнулось на пол. Я вбежал и увидел капитана, который во всю свою длину растянулся на полу. Мать, встревоженная криками и дракой, сбежала вниз мне на помощь. Мы приподняли голову капитана. Он дышал очень громко и тяжело. Глаза его были закрыты, лицо побагровело.

— Боже мой! — воскликнула мать. — Какой срам для нашего трактира! А твой бедный отец, как нарочно, лежит больной!

Мы не знали, как помочь капитану, и были уверены, что он ранен насмерть во время поединка с незнакомцем. Я принёс рому и попытался влить ему в рот. Но сильные челюсти его были сжаты, как железные.

К счастью, дверь отворилась, и вошёл доктор Ливси, приехавший навестить моего больного отца.

— Доктор, помогите! — воскликнули мы. — Что нам делать? Куда он ранен?

— Ранен? — сказал доктор. — Чепуха! Он так же ранен, как ты или я. У него просто удар. Что делать! Я предупреждал

его... Ну, миссис Хокинс, возвращайтесь наверх к мужу и, если можно, ничего не говорите ему. А я попытаюсь спасти эту трижды ненужную жизнь... Джим, принеси мне таз.

Когда я вернулся с тазом, доктор уже засучил у капитана рукав и обнажил его большую, мускулистую руку. Рука была татуирована во многих местах. На предплечье синели чёткие надписи: «На счастье», «Попутного ветра» и «Да сбудутся мечты Билли Бонса».

Возле самого плеча была нарисована виселица, на которой болтался человек. Рисунок этот, как мне показалось, был выполнен с истинным знанием дела.

— Пророческая картинка, — заметил доктор, трогая пальцем изображение виселицы. — А теперь, сударь Билли Бонс, если вас действительно так зовут, мы посмотрим, какого цвета

ваша кровь... Джим, — обратился он ко мне, — ты не боишься крови?

— Нет, сэр, — сказал я.

— Отлично, — проговорил доктор. — Тогда держи таз.

Он взял ланцет и вскрыл вену.

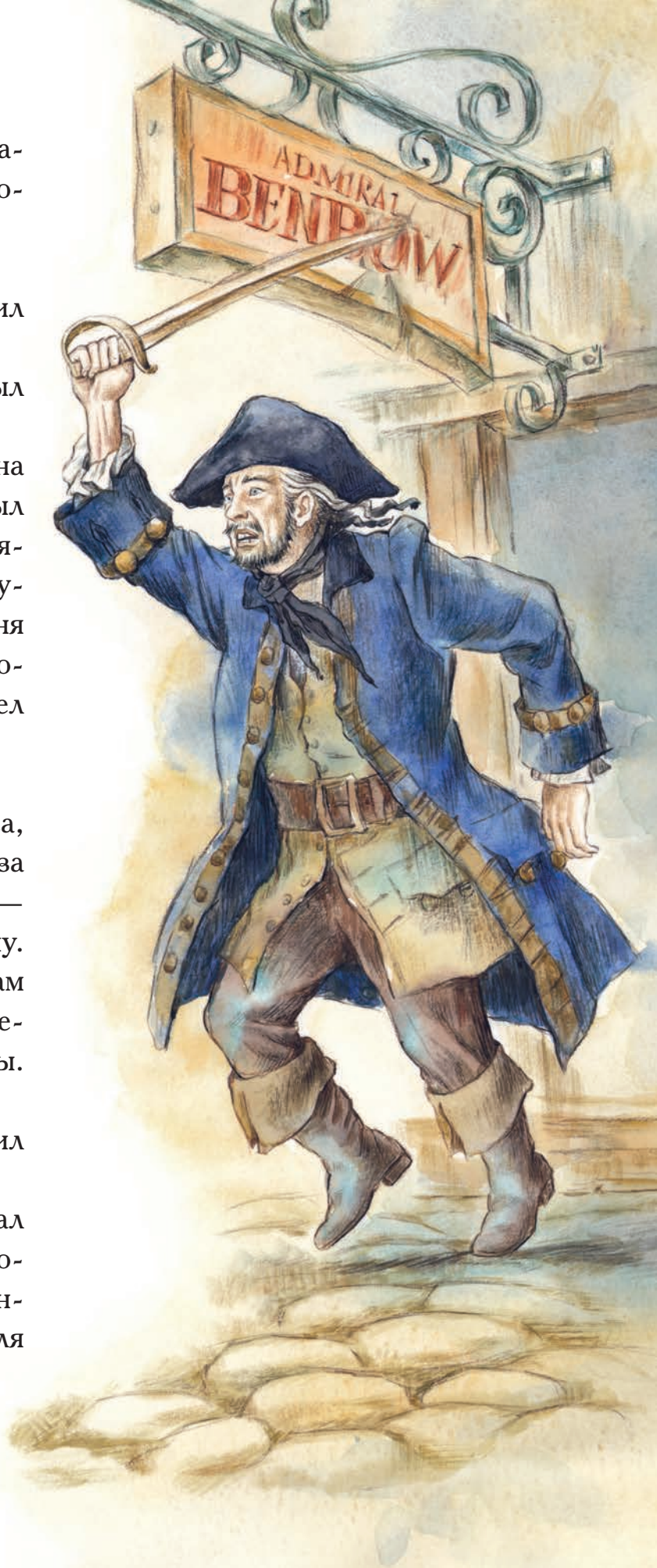
Много вытекло у капитана крови, прежде чем он открыл глаза и обвёл нас мутным взглядом. Он узнал доктора и нахмурил брови. Потом заметил меня и как будто несколько успокоился. Потом вдруг покраснел и, пробуя встать, закричал:

— Где Чёрный Пёс?

— Здесь нет никакого пса, кроме того, что сидит у вас за спиной, — сказал доктор. — Вы пили слишком много рому. И вот вас хватил удар, как я вам предсказывал. И я, против желания, вытащил вас из могилы. Ну, мистер Бонс...

— Я не Бонс, — перебил капитан.

— Не важно, — сказал доктор. — У меня есть знакомый пират, которого зовут Бонсом, и я дал вам это имя для

краткости. Запомните, что я вам скажу: один стакан рому вас, конечно, не убьёт, но если вы выпьете один стакан, вам захочется выпить ещё и ещё. И клянусь вам моим париком: если вы не бросите пить, вы в самом скором времени умрёте. Понятно? Пойдёте туда, куда подобает, как сказано в Библии... Ну, попытайтесь встать. Я помогу вам добраться до постели.

С большим трудом мы втащили капитана наверх и уложили в постель. Он в изнеможении упал на подушку. Он был почти без чувств.

— Так помните, — сказал доктор, — я говорю вам по чистой совести: слово «ром» и слово «смерть» для вас означают одно и то же.

Взяв меня за руку, он отправился к моему больному отцу.

— Пустяки, — сказал он, едва мы закрыли за собой дверь. — Я выпустил из него столько крови, что он надолго успокоится. Неделю проваляется в постели, а это полезно и для него, и для вас. Но второго удара ему не пережить.

Глава 3

ЧЁРНАЯ МЕТКА

Около полудня я вошёл к капитану с прохладительным питьём и лекарством. Он лежал в том же положении, как мы его оставили, только немного повыше. Он показался мне очень слабым и в то же время очень возбуждённым.

— Джим, — сказал он, — ты один здесь чего-нибудь стоишь. И ты знаешь: я всегда был добр к тебе. Каждый месяц я давал тебе четыре пенса серебром. Видишь, друг, мне скверно, я болен и всеми покинут! И, Джим, ты принесёшь мне кружечку рома, не правда ли?

— Доктор... — начал я.

Но он принялся ругать доктора — слабым голосом, но очень сердито.

— Все доктора — сухопутные крысы, — сказал он. — А этот ваш здешний доктор — ну что он понимает в моряхах? Я бывал в таких странах, где жарко, как в кипящей смоле, где люди так и падали от Жёлтого Джека¹, а землетрясения качали

¹ Жёлтый Джек — лихорадка.

сушу, как морскую волну. Что знает ваш доктор об этих местах? И я жил только ромом, да! Ром был для меня и мясом, и водой, и женой, и другом. И если я сейчас не выпью рому, я буду как бедный старый корабль, выкинутый на берег штормом. И моя кровь будет на тебе, Джим, и на этой крысе, на докторе...

И он снова разразился ругательствами.

— Посмотри, Джим, как дрожат мои пальцы, — продолжал он жалобным голосом. — Я не могу остановить их, чтобы они не дрожали. У меня сегодня не было ни капли во рту. Этот доктор — дурак, уверяю тебя. Если я не выпью рому, Джим, мне будут мерещиться ужасы. Кое-что я уже видел, ей-богу! Я видел старого Флинта, вон там, в углу, у себя за спиной. Видел его ясно, как живого. А когда мне мерещатся ужасы, я становлюсь как зверь — я ведь привык к грубой жизни. Ваш доктор сам сказал, что один стаканчик меня не убьёт. Я дам тебе золотую гинею¹ за одну кружечку, Джим!

Он клячил всё настойчивее и был так возбуждён, что я испугался, как бы его не услышал отец. Отцу в тот день было особенно плохо, и он нуждался в полном покое. К тому же меня поддерживали слова доктора, что один стакан не повредит капитану.

— Не нужно мне ваших денег, — ответил я, потому что предложение взятки очень оскорбило меня. — Заплатите лучше то, что вы должны моему отцу. Я принесу вам стакан, но это будет последний.

Я принёс стакан рому. Он жадно схватил его и выпил до дна.

— Вот и хорошо! — сказал он. — Мне сразу же стало лучше. Послушай, друг, доктор не говорил, сколько мне лежать на этой койке?

— По крайней мере неделю, — сказал я. — Не меньше!

¹ Гинéя — английская золотая монета.

— Гром и молния! — вскричал капитан. — Неделю! Если я буду лежать неделю, они успеют прислать мне чёрную метку. Эти люди уже пронюхали, где я, — моты и лодыри, которые не могли сберечь своё и зарятся теперь на чужое. Разве так настоящие моряки поступают? Вот я, например: я человек бережливый, никогда не сорил деньгами и не желаю терять нажитого. Я опять их надую. Я отчалю от этого рифа и опять оставлю их всех в дураках.

С этими словами он стал медленно приподниматься, схватив меня за плечо с такой силой, что я чуть не закричал от боли. Тяжело, как колоды, опустились его ноги на пол. И его пылкая речь совершенно не соответствовала еле слышному голосу.

После того как он сел на кровати, он долго не мог выговорить ни слова, но наконец произнёс:

— Доконал меня этот доктор... В ушах у меня так и поёт. Помоги мне лечь...

Но прежде чем я протянул к нему руку, он снова упал в постель и некоторое время лежал молча.

— Джим, — сказал он наконец, — ты видел сегодня того моряка?

— Чёрного Пса? — спросил я.

— Да, Чёрного Пса, — сказал он. — Он очень нехороший человек, но те, которые послали его, ещё хуже, чем он. Слушай: если мне не удастся отсюда убраться и они пришлют мне чёрную метку, знай, что они охотятся за моим сундуком. Тогда садись на коня... — ведь ты едешь верхом, не правда ли? — тогда садись на коня и скачи во весь дух... Теперь уж мне всё равно... Скачи хоть к этому проклятому доктору, к крысе, и скажи ему, чтобы он свистнул всех матросов на палубу — всяких там присяжных и судей — и накрыл моих гостей на борту «Адмирала Бенбоу», всю шайку старого Флинта, всех до одного, сколько их ещё осталось в живых. Я был первым штурманом... да, первым штурманом старого Флинта, и я один знаю, где находится то место. Он сам всё мне передал в Саванне, когда лежал при смерти, вот как я теперь лежу. Видишь? Но ты ничего не делай, пока они не пришлют мне чёрную метку или пока ты снова не увидишь Чёрного Пса или моряка на одной ноге. Этого одноногого, Джим, остерегайся больше всего.

— А что это за чёрная метка, капитан? — спросил я.

— Это вроде как повестка, приятель. Когда они пришлют, я тебе скажу. Ты только не проворонь их, милый Джим, и я разделю с тобой всё пополам, даю тебе честное слово...

Он начал заговариваться, и голос его становился всё слабее.

Я дал ему лекарства, и он принял его, как ребёнок.

— Ещё ни один моряк не нуждался в лекарстве так, как я. Вскоре он впал в тяжёлое забытье, и я оставил его одного.

Не знаю, как бы я поступил, если бы всё шло благополучно. Вероятно, я рассказал бы обо всём доктору, ибо я смертельно боялся, чтобы капитан не пожалел о своей откровенности и не прикончил меня. Но обстоятельства сложились иначе. Вечером внезапно скончался мой бедный отец, и мы позабыли обо всём остальном. Я был так поглощён нашим горем, посещениями соседей, устройством похорон и работой в трактире, что у меня не было времени ни думать о капитане, ни бояться его.

На следующее утро он сошёл вниз как ни в чём не бывало. Ел в обычные часы, но без всякого аппетита и, боюсь, выпил больше, чем обыкновенно, потому что сам угощался у стойки. При этом он фыркал и сопел так сердито, что никто не дерзнул запретить ему выпить лишнее. Вечером накануне похорон он был пьян, как обычно. Отвратительно было слышать его разнузданную, дикую песню в нашем печальном доме. И хотя он был очень слаб, мы до смерти боялись его. Единственный человек, который мог бы заткнуть ему глотку, — доктор, — был далеко: его вызвали за несколько миль к одному больному, и после смерти отца он ни разу не показывался возле нашего дома.

Я сказал, что капитан был слаб. И действительно, он не только не поправлялся, но как будто становился всё слабее. Через силу всходил он на лестницу; шатаясь, ковылял из зала к нашей стойке. Иногда он высовывал нос за дверь — подышать морем, но хватался при этом за стену. Дышал он тяжело и быстро, как человек, взбирающийся на крутую гору.

Он больше не заговаривал со мной и, по-видимому, позабыл о своей недавней откровенности, но стал ещё вспыльчивее, ещё раздражительнее, несмотря на всю свою слабость. Напиваясь,

он вытаскивал кортик и клал его перед собой на стол и при этом почти не замечал людей, погружённый в свои мысли и бредовые видения.

Раз как-то, к нашему величайшему удивлению, он даже стал насвистывать какую-то деревенскую любовную песенку, которую, вероятно, пел в юности, перед тем как отправиться в море.

В таком положении были дела, когда на другой день после похорон — день был пасмурный, туманный и морозный, — часа в три пополудни, я вышел за дверь и остановился на пороге. Я с тоской думал об отце...

Вдруг я заметил человека, который медленно брёл по дороге. Очевидно, он был слепой, потому что дорогу перед собою нащупывал палкой. Над его глазами и носом висел зелёный щиток. Сгорбленный старостью или болезнью, он весь был закутан в ветхий, изодранный матросский плащ с капюшоном, который делал его ещё уродливее. Никогда в своей жизни не видал я такого страшного человека. Он остановился недалеко от трактира и громко произнёс нараспев странным гнусавым голосом, обращаясь в пустое пространство:

— Не скажет ли какой-нибудь благодетель бедному слепому человеку, потерявшему драгоценное зрение во время храброй защиты своей родины, Англии, да благословит бог короля Георга, в какой местности он находится в настоящее время?

— Вы находитесь возле трактира «Адмирал Бенбоу», в бухте Чёрного Холма, добрый человек, — сказал я.

— Я слышу голос, — прогнусавил старик, — и молодой голос. Дайте мне руку, добрый молодой человек, и проводите меня в этот дом!

Я протянул ему руку, и это ужасное безглазое существо с таким слащавым голосом схватило её, точно клещами.

